

Предисловие к новому изданию

Уехала, значит уехала — так выглядела ситуация весной 1996 года. Не было еще ни интернета, ни других теперь столь привычных для нас и легких способов связи, и Россия была куском земли на противоположном краю планеты. Оставленные мною там следы быстро стирались, и, как только я приняла решение уехать и оказалась на борту летящего в Лос-Анджелес самолета, все мое родство с этой дикой, необузданной Страной Чудес превратилось в далекую сказку. Теперь в жизни моей появился новый смысл. Все мои силы, вся энергия были сосредоточены на дочери, Мэдисон Александре Стингрей. Ничего глубже и серьезнее этой новой любви для меня теперь не было. Я не жалела, что отказалась от прежней жизни, чтобы стать матерью. В России я жила эмоциями, но рождение ребенка как будто что-то переключило у меня в голове — на первый план вышли логика и ответственность. Ребенок не терпит отвлечений, и даже предложение контракта на запись альбома не могло заставить меня отказаться от строительства новой, пусть и миниатюрной, страны чудес для этого крохотного существа.

«Привет, я послушал альбом, который вы отправили несколько месяцев назад мистеру Эртегуну¹. Shades of Yellow, так?» Голос на другом конце провода звучал серьезно и убедительно. «Это действительно круто. Мы готовы подписать с вами контракт». «Простите, кто это?» — спросила я, чуть не грохнувшись, наткнувшись на занимавший полкомнаты детский мяч. «Я из Atlantic Records». «Даже не знаю, что вам сказать», — только и смогла я пробормотать в растерянности. «Мы хотели бы обсудить запись и издание альбома. Было бы здорово собрать группу и отправиться в небольшое турне на автобусе», — продолжал он. Я покачала головой, пытаюсь отогнать вдруг охватившее меня волнение. Я мечтала об этом всю жизнь, я засыпала, представляя себе, как отправляюсь в тур со своей группой. Теперь вдруг на моих глазах давняя мечта обретает черты реальности. Но в то же время я мгно-

¹ Ахмет Эртегун (1923–2006) — турецко-американский бизнесмен, основатель и президент Atlantic Records.

венно осознала: сутки напролет в автобусе, ночевки в дешевых гостиницах — все это плохо совмещалось с той идеальной жизнью, которую я выстроила в своем сознании для дочери. «Мне очень жаль, но нет», — сказала я парню из Atlantic, сама удивившись тому, насколько легко мне далось это решение.

Я уже купила дом в районе Бенедикт Каньон на западе Лос-Анджелеса, и к моменту, когда Мэдисон исполнился год, дом превратился по сути дела в полноценные ясли для одного ребенка. Полы были покрыты разноцветными мягкими матами, а в прихожей я установила горку. «У вас здесь что, домашний детский сад?» — спросил как-то китаец, доставлявший в дом продукты на заказ. «Нет», — сказала моя ангел-хранитель Тереза, превратившаяся за это время из просто домработницы в няню для Мэдисон. «Сколько у вас детей?» — то ли недоуменно, то ли с иронией спросил он. «Ребенок только один», — ответила она, закрывая за ним дверь.

Мой муж Саша переоборудовал комнату над гаражом в домашнюю студию, где он часами напролет работал над новой музыкой. Подлинный перфекционист, он никогда не считал работу доделанной, и то детское царство, в которое преобразовался главный дом, нечасто освещалось его широкой улыбкой и любопытным взглядом. Когда все же он спускался к нам, для Мэдисон наступало время волшебства. Они вдвоем прекрасно проводили время. Он любил играть и дурачиться, и Мэдисон его просто обожала. Но все же он был для нее скорее иногда появляющийся гость, чем отец. Творчество всегда было для него на первом месте, и, когда Мэдисон было три года, я попросила Сашу о разводе.

Мы были, как два корабля, движущиеся вроде бы одним курсом, но друг другу никак не помогающие. Саша перебрался в квартиру на север от Беверли Хиллз, а мы с Терезой неустанно занимались Мэдисон, водя ее в музеи, аквариумы, на прогулки по паркам или катая ее верхом на пони. Она любила сказки и могла часами заниматься сама собой. Иногда я развлекала ее красочными историями о жизни в Ленинграде, но я убеждена, что воспринимала она их как очередную сказку. Со временем и у меня стали появляться мгновения, когда и я сама начинала сомневаться в реальности своей жизни в России. Со старыми друзьями связи у меня почти не было. Раз-другой в год на меня выходили журналисты из России с предложением прислать ко мне съемочную группу, чтобы поговорить о моей российской карьере или о Викторе Цое. Или звонил телефон, и Сева Гаккель или Саша Липницкий сообщали мне печальную весть о смерти очередного друга: Курёхин, Свин, Дюша Романов, Тимур Новиков, Гриша Сологуб. Всякий раз, услышав характерный звук звонка из-за океана и беря трубку, я начинала дрожать от страха. «Кто на сей раз? Кто из драгоценных душ покинул нас опять?». Никогда и помыслить себе я не могла, что к тому моменту, когда я начну писать эту книгу, более двадцати моих близких друзей уйдут из жизни. Печаль переполняет мое сердце, и печаль эта никогда не уйдет.

В 2004 году, через восемь лет после моего отъезда из России, страны на далеком горизонте, где встает солнце, я решила вновь поехать туда, чтобы отметить двадцатилетие своего первого приезда. Мне также хотелось познакомить Мэдисон с ее бабушкой и бабушкой, которые видели ее всего раз, когда она была еще совсем младенцем в их единственный приезд в Калифорнию. Мне хотелось, чтобы она увидела страну, составлявшую половину ее сердца. У меня был записан новый альбом, составленный из наших с Сашей совместных песен и акустических версий моих старых хитов. Мэтт Робертс, гитарист с растрепанными волосами и светлыми глазами, помог мне подготовить запись и согласился поехать со мной, чтобы помочь мне в организованном в Москве Сашей Липницким концерте в клубе Б2. Усевшись в капсулу времени, замаскированную под самолет, я и представить себе не могла, что меня ожидает. Мы приземлились в Москве холодным зимним вечером. Замерзший снег, казалось, висит в воздухе. Две мои старые верные поклонницы Люда и Ольга подготовили сюрприз, встретив нас со взятым напрокат лимузином. Тут же была и бабушка Мэдисон — она добиралась в аэропорт на метро и на автобусе и терпеливо ждала нас в своей шубке, черной шапке и со сверкающими серьгами в ушах.

И по сей день мне кажется поразительным, насколько Мэдисон и бабушка похожи: тот же нос, те же мягкие голубые глаза, то же очертание рта. К восьмилетней Мэдисон все относились как к принцессе, и по глазам ее было видно, с каким восторгом она воспринимала такое к себе отношение. За два-три последующих дня я оттаяла, вернулась в свою прежнюю русскую жизнь, которая, как казалось, осталась уже далеко в истории. Даже Мэдисон меня не узнавала. Голова у нее была повязана платком, как у многочисленных старушек на улицах, она пряталась в своем воображении, представляя себе все происходящее вокруг нее как некую причудливую осовремененную сказку братьев Grimm. Тусовка на даче у Липницкого виделась ей чаепитием с Безумным шляпником из «Алисы в Стране чудес», Оружейная палата в Кремле — старинной крепостью-сокровищницей, Красная площадь — невиданной страной с призраками и духами, а гигантская титановая статуя Юрия Гагарина — живым стражем, воплощением давно утерянной любви. В квартире у бабушки с бабушкой комната деда выглядела как место поклонения ей, его маленькому ангелу. Стены были увешаны ее фотографиями и рисунками, которые он делал по этим фотографиям. Не зная русского языка и не имея способа общения с едва знакомыми ей людьми, Мэдисон была совершенно ошарашена, оказавшись вдруг замкнутой в среде — ей родственной, но в которой она никогда прежде не была.

Мой старый верный друг Сергей Галанин собрал вдобавок к приехавшему со мной Мэтту несколько музыкантов для исполнения моих песен. Во время репетиции я вдруг увидела крутящуюся у края сцены закутанную в свой платок Мэдисон. «Иди сюда!» — крикнула я ей по-русски, а потом повторила то же самое по-английски:

“Come here!”. Она посмотрела на меня широко раскрытыми, немигающими глазами и взобралась на сцену. «Спой русскую песню, которую ты так хорошо знаешь», — сказала я, и она запела: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мама». В тот же вечер на концерте Саша Липницкий представил публике Маленькую Стингрей. Она вышла на сцену в моих круглых темных очках под приветственные возгласы зала и а капелла, своим тонким ангельским голосом, спела четыре строчки по-русски, а затем по-английски. В этот момент мне стало ясно: она обречена на этот взбалмошный, капризный мир музыки и сцены, мир, который я так люблю.

Последним аккордом концерта стало наше с блюз-гитаристом Сергеем Вороновым совместное исполнение битловской Come Together. На припевах нам подпевала и Мэдисон. Я уже успела забыть, как мне нравится выступать, как мне не хватает света прожекторов на сцене и бьющихся в унисон тысяч сердец в зале. Дома, на стене у меня висят две фотографии с этого концерта. На одной я сижу на сцене вместе с Мэдисон в окружении цветов и поклонников, трепетно касающихся моей одежды и ждущих автографа. На лице Мэдисон — шок и смятение. На втором снимке — я стою у микрофона на сцене, а Мэдисон дергает меня за руку, приподнимаясь на цыпочки и пытаюсь что-то мне сказать на ухо, — не обращая ни малейшего внимания на толпящихся у края сцены фанов. Эти фотографии — напоминание о двух моих жизнях, которые я пыталась соединить, рок-звезды и ответственной матери. Я счастлива, что на мою долю выпало и то и другое.

Моего набора песен для полного концерта не хватало, и я попросила своего любимого пирата Гарика Сукачева сыграть после меня. Он выкатился на сцену — растрепанная копна волос и хриплый голос. Ничего подобного Мэдисон в жизни своей не видела — она была напугана и в то же время очарована этим странным, могущественным существом. После концерта, когда мы все уже стояли у двери на улицу и, замороженные, смотрели на не дающую нам шагу ступить наружу метель, Гарик подошел к Мэдисон и опустился перед ней на корточки. «Это твоя первая русская зима, малышка?» — спросил он. «Это мой первый раз в России», — прошептала она. «А видела ты когда-нибудь московский снег и такие огромные снежинки?» — «Нет, никогда». Он обнял ее, и она мгновенно оттаяла в его руках. «Так смотри!» — сказал он. Это было прекрасное, незабываемое зрелище: безумный русский рокер-медведь и восьмилетняя американская девочка, широко открытыми глазами глядящая в этот странный, новый, едва сквозь снежную бурю различимый мир.

После смерти Виктора я бывала в Ленинграде нечасто. В тот приезд в 2004 году я запланировала приехать в Северную Венецию на ночном поезде и провести там буквально несколько часов перед самолетом обратно домой. Я попросила Севу разузнать, кто из друзей в городе, и решила отталкиваться уже от этого. За несколько

часов до поезда мне вдруг позвонили из русского издания журнала Rolling Stone и попросили об интервью для большой статьи обо мне. Так мы и оказались в грохочущем ночном поезде: Мэдисон, Мэтт, Люда, я и двое пьяных репортеров, вшестером с трудом втиснувшиеся в купе. Закутанная в одеяла Мэдисон не спускала глаз с этих пьяных людей, пытаюсь понять, почему они ведут себя так странно. В общей сложности в ту ночь мы проспали, наверное, не больше двух часов и в шесть утра уже выползали из вагона в зверский холод и черную непроглядную тьму петербургской зимы. У меня проснулись старые воспоминания, и я вдруг ощутила невероятный прилив уже давно, казалось бы, оставшейся в прошлом энергии. Впервые за многие годы я почувствовала себя дома. И по сей день это чувство возвращается ко мне всякий раз, когда нога моя ступает на улицы этого величественного города на болоте. На вокзале нас встречали Сева и Витя Сологуб.

Всей толпой мы пошли к Севе пить чай и оттуда направились в клуб «Платформа», где уже собрались старые друзья: главный битломан России Коля Васин, музыканты «Аквариума» Саша Ляпин и Миша Файнштейн, Олег Гаркуша из «АукцЫона», вдова Сергея Настя Курёхина с сыном Федей, председатель и секретарь Рок-клуба Коля Михайлов и Оля Слободская с дочерью Полиной, коллекционер Сергей Фирсов, фотограф Дима Конрадт и музыкальный журналист Андрей Бурлака из самиздатовского рок-журнала «РИО». Пришел и Юрий с женой Наташей, и я была ужасно рада его видеть. Мы уже много лет не виделись и не говорили друг с другом. Он выглядел старше, но неизменными остались его милая улыбка, лукавый взгляд и статная фигура. Мэдисон его очаровала, и я тут же вспомнила, как он хотел детей, когда мы поженились. Времени перед самолетом у нас было немного, а я еще хотела повидать больную Марьяну, но, когда Юрий сказал, что со мной хотел встретиться Густав, я поняла, что отказать ему не могу. Юрий отвез нас с Мэдисон к Густаву, и я помню, как волновалась, стоя у двери его квартиры — мне трудно было себе представить, что меня там ждет. Как только он меня увидел, глаза его засветились, и любовь к нему заставила забыть трудный характер, столь часто раньше меня раздражавший. Он сильно исхудал и с трудом держался на ногах, и с глубокой грустью я узнала в этом болезненном облике многих моих друзей, в конце концов скончавшихся от СПИДа. «Джо!» — приветствовал он меня своим низким грудным голосом и раскрыл руки для объятий. Мы совсем недолго пробыли в его заполненной картинами прекрасной комнате, понимая, что это наша последняя встреча на этой земле и, взявшись за руки, как бы хотели обещать друг другу, что никогда не забудем то, что многие годы объединяло нас. Его неуклюжая прощальная улыбка заставила меня подумать, что Виктор будет рад в том мире, где он сейчас, встретиться со своим колючим, вечно задиристым другом.

В самолете домой меня переполняла печаль, смешанная с радостью. Память, которая, как я думала, давно уже стерлась, оказалось, была глубоко укоренена в моей

душе и теперь вновь всплыла на поверхность. Во мне что-то переключилось, и я вновь ощутила прежний кураж. Потребовалось, правда, еще тринадцать лет после этой поездки, чтобы я опять ступила на землю России, но я счастлива, что память о легендарном золотом веке ленинградского рока осталась со мной навсегда.

В 2014 году я дала интервью для документального фильма *Free to Rock*, в котором исследовалась роль рок-н-ролла в крушении железного занавеса. Продюсеры попросили у меня для фильма фотографии и видеоматериалы, что заставило меня залезть в свои архивы и начать разбирать накопившиеся за годы в России многочисленные коробки с фотографиями. Фотографий были тысячи и тысячи. Я начала их сканировать и оцифровывать и наняла веб-дизайнера для создания архивного веб-сайта. Некоторые друзья в Лос-Анджелесе отговаривали меня от публикации этих снимков в интернете, но я считала, что этой мой дар России и ее людям, знак признательности и благодарности за все, что они для меня сделали. Я понимала, что сайт вызовет интерес в России, но и близко не могла предполагать, какой бомбой он станет. Меня забросали просьбами об интервью и публикациях. Я всем позволила бесплатно использовать любые опубликованные на сайте материалы, надеясь, что таким образом они разойдутся по миру. В первые же пару недель на сайте побывало полмиллиона человек. Я поняла: ничего никогда не кончается, история лишь развивается и меняется вместе с нами. Как-то, сидя за компьютером и проглядывая свой Facebook, я вдруг заинтересовалась, нет ли на этой вездесущей платформе и моих русских друзей. И что же — я тут же восстановила связь с Борисом, Костей, Гариком, Галаниным, Алексом Каном и многими другими. Это были ворота в прошлое и объектив, сквозь который я могла видеть и настоящее. Борис, играющий вместе со своей группой бесплатные концерты на улицах самых разных городов, восстановил мою веру в человечество. Это был мой друг в своем лучшем, самом чистом виде, и тот факт, что сердце и дела его сохранились неизменными за десятилетия, показался мне невероятно прекрасным.

Спустя год или два Юрий спросил, не соглашусь ли я провести день с ним и его женой Наташей. У его группы «Ю-Питер» был концерт в Сан-Франциско, а обратно в Россию они вылетали из Лос-Анджелеса. Юрий заметно нервничал, но Наташа — одна их самых невозмутимых и уверенных в себе женщин, которые когда-либо попадались на моем пути, — спокойно, не мешая и не встречая, позволила нам предаться воспоминаниям. С возрастом Юрий намного больше, чем раньше, стал склонен к ностальгии. Взгляд его излучал тепло и светлую грусть. «Мы с тобой остались теперь вдвоем. Виктора и Густава больше нет, и нам нужно не терять связь», — сказал он мне. Это было и грустно, и прекрасно. Я поняла в тот момент, что связь между нами неразрывна, и то, что нас объединяет, навсегда останется в наших сердцах.

Для нашего единства, для нашей общей саги расстояния не важны. Любовь наша была не просто любовью молодых — она огромна и непреходяща.

Мне всегда хотелось написать книгу о своих приключениях в России, но три моих работы — в агентстве по недвижимости, управление домом богатой арабской семьи и координация публикаций в журнале выпускников моей школы — отнимали все время. Не было даже времени найти человека для литературной обработки моих воспоминаний. Когда-то был написан сценарий, но он затрагивал лишь небольшую часть моей российской эпопеи. Книга должна была рассказать обо всем, и мысль о ней меня не покидала. На премьере фильма *Free to Rock* в Вашингтоне я познакомилась с одним литератором и наняла его для работы над книгой. Мы договорились, что я запишу свои воспоминания, а он придаст им подобающую литературную форму. Получив от него первые главы, я поняла, что текст выглядит слишком сухо, формально, в нем нет красок жизни и читается он довольно уныло. Суть и яркость того, что столь радикально изменило мою жизнь, он никак не передавал. Ему не удалось уловить и воспроизвести нужное настроение, а вступление, метафорически опирающееся на историю из «Алисы» о падении сквозь кроличью нору в Страну Чудес, он, как мне показалось, и вовсе не понял. Я попросила свою дочь Мэдисон, пусть и начинающего и еще робкого, но уже блестяще владеющего пером литератора, прочесть уже готовые несколько глав и сказать мне, что она о них думает. Она не проявила к моей просьбе ни малейшего интереса. Затем, когда я, одержимая страстью коллекционировать страны, планировала очередную поездку в Европу, она вдруг спросила, а не заедем ли мы и в Россию. «Зачем? — спросила я. — Мы там уже были». «Я хочу поехать, — категорически закачала она головой. — Мы должны поехать». Тогда мне это было непонятно, я еще не успела ощутить ту сверхъестественную, трансцендентную связь, что притягивала ее к России. Я убеждена, что к зарождению этой связи прямое отношение имели Виктор и Сергей.

Я не очень люблю менять маршрут уже намеченной поездки, но, узнав о существовании нового высокоскоростного поезда между Хельсинки и Петербургом, поняла, что сопротивляться не стоит. Я не была в России больше десяти лет. Я думала, что мы без шума и помпы проведем там три дня, и я покажу Мэдисон один из самых для меня любимых городов в мире — теперь, когда она уже достаточно взрослая, чтобы по-настоящему его понять и ощутить. Никого из моих русских друзей о поездке я решила не оповещать — пусть это будем лишь я, Мэдисон и прекрасный город. Но у Провидения на этот счет были свои планы. Я прокомментировала на Facebook один из постов Африки, и он в ответ полушутя спросил, когда я в следующий раз приеду в Россию. Я ему написала в личку, что буду там через несколько недель. Он же запостил мое сообщение публично, и меня забросали просьбами

о встрече. В итоге в перерывах между экскурсиями с прекрасным жизнерадостным гидом Ольгой Бычек из турагентства Be Happy Russia, я успела повидать немало старых друзей. Мы остановились в Belmond Grand Hotel Europe, бывшей гостинице «Европейская», моем любимом ленинградском пристанище, где когда-то арестовывали Бориса, и где в 80-е была моя историческая встреча с КГБ.

Все шло прекрасно, казалось, что нам вдвоем было суждено оказаться в городе именно в этот момент. Было не очень холодно, 10 градусов и солнечно. Из-за демонстраций Невский проспект был закрыт для транспорта, и вместе с толпой мы шли посередине проезжей части. Впервые за многие годы открыли для осмотра храм Спаса на Крови, тот самый, которым я столь часто любовалась с крыши квартиры Бориса. С тех пор прошла вечность, но вот я опять здесь, будто никогда и не уезжала.

«Он поцеловал меня в губы!» Я не успела ничего ответить Мэдисон, как Фирсов так же заключил в свои медвежьи объятия и меня и так же поцеловал меня в губы. В ответ я только рассмеялась. С Севой и Витей Сологубом мы сидели в прекрасном вегетарианском кафе «Ботаника» в самом сердце Петербурга. Витя и Сева прекрасно дополняли друг друга. Неукротимая энергия Вити и спокойная уравновешенность Севы погружали наш столик в ощущение теплого уюта и безопасности. Кафе находится почти на берегу Фонтанки, и на следующий день я решила проделать то, до чего у меня никогда не доходили руки во время жизни в Ленинграде, — прокатиться по рекам и каналам Северной Венеции. Я забронировала небольшой катер с деревянными сиденьями, на которых разместились мы с Мэдисон, Юрий, его жена Наташа и сын Виктора Саша Цой, превратившийся за эти годы в профессионального музыканта и видеопродюсера. Мы петляли по многочисленным каналам и любовались открывающимися с воды неожиданными ракурсами. Никогда еще город моего сердца не выглядел столь прекрасно. Сашу я не видела с раннего детства, и теперь, высокий и статный, в татуировках и металлических заклепках, он выглядел очень мужественно. Наш любимый гид Ольга принесла с собой какую-то еду и чай. Получилось смешно — по дороге из отеля к причалу Ольга вручила тяжелую сумку с едой Саше. Я чуть было не сказала, что не подобает ей заставлять сына Виктора Цоя тащить сумку, но Саша любезно и с радостью взял сумку. Настоящий сын своего отца, он так же непритязателен и галантен и так же внимателен к людям вокруг. В виде сидящих рядом, болтающих друг с другом и иногда разражающихся веселым смехом Мэдисон и Саши было что-то ирреальное. В сердце у меня опять проснулась боль об ушедшем друге. «Хочу рассказать тебе смешную историю о твоём отце, — вдруг сказала я Саше. — Как он, пытаюсь научиться правильно произносить английский звук “r-r-r”, вытягивал губы и рычал прямо мне в лицо, и как он, изображая из себя

Брюса Ли, оттачивал на мне приемы кунг-фу». Саша — человек с теплой и открытой душой. Он рассказал мне, как нелегко ему было расти сыном Виктора Цоя и какое давление он испытывал из-за долга соответствовать отцу. Теперь он чувствовал себя спокойнее и увереннее, и по нему это было видно. «После смерти Виктора люди стали проявлять ко мне интерес, потому что мы были с ним близки, — сказала я ему. — Храни и цени связь с отцом. Это правильно и важно. Это может открыть для тебя какие-то двери или пробудить к тебе интерес. Но потом люди увидят, что в тебе есть что-то свое, уникальное, и любить тебя будут уже за то, какой есть ты сам».

Мы причалили у дома на Фонтанке, где жили Юрий с Наташей. Они купили там две квартиры, сломали все перегородки и превратили их в одну большую. В одной комнате Юрий оборудовал студию с огромным компьютером и кучей всевозможной электроники. «Я хочу на нее посмотреть», — тут же сказала Мэдисон. Юрий работал над проектом «Симфоническое “Кино”» — старые песни «Кино», которые он теперь исполнял в сопровождении полного симфонического оркестра. Музыка буквально снесла нам с Мэдисон крышу. Это было великолепно, мощно, но в то же время убаюкивало, как в колыбели. «Я невероятно горжусь тобой», — сказала я Юрию. Я знаю, что Виктор тоже бы им гордился. Юрий достал гитару и стал импровизировать. «Помнишь, как вы с Виктором и Густавом пели песню группы The Cult ‘Nirvana’ и поменяли в ней слова?» — спросила я, со смехом и любовью вспоминая былые дни. Юрий тут же наиграл мелодию и во весь голос запел: “Every day, JOANNA, yeah, yeah, yeah!”. Я потеряла дар речи. Я вдруг опять оказалась в тесной комнате с Виктором, Юрием и Густавом, и в ушах у меня зазвенели их дразнящие, насмешливые голоса. Ощущение было настолько сильным, настолько глубоким, что я разрыдалась. «Перестань! — вдруг услышала я голос снимавшей это все на телефон Мэдисон. — Я хочу, чтобы ты смеялась! Где этот чертов Фирсов, когда он нужен?!»

В лучах яркого солнца, пряча глаза от него за стеклами темных очков, Борис стоит на балконе моего гостиничного номера. Мне сказали, что он в городе, записывается в студии, и я пригласила их с Ириной на ужин. Мэдисон вместе с гидом Ольгой отправилась в Мариинский театр на балет. Борис был такой же. Он слегка постарел и располнел, но харизматическая улыбка и иронический блеск в глазах были при нем, как всегда. Ирина нисколько не утратила свою красоту, и любовь, с которой она смотрела на Бориса, была такой же всеподавляющей, какой она была десятилетия назад, когда оба они были в браке с другими людьми. Было совершенно очевидно, с какой нежностью и обожанием она относится к нему, и вместе они казались идеальной парой. «Вау!» — не удержался от восклицания Борис, выйдя на балкон моего номера и увидев сверкающие в закатных лучах солнца купола храма Спаса на Крови. «Как когда-то у тебя на крыше?» — напомнила я. «Точно», — с улыбкой

ответил он. «Тебе повезло, что ты его здесь застала», — сказала мне Ирина, когда мы сели за стол в ресторане. «В обычное время в Петербурге он почти не бывает. Мы сейчас здесь только потому, что в недавнем туре он сильно заболел, довольно много времени провел в больнице, и врачи велели ему сделать перерыв в выступлениях». На вопросы о здоровье он отвечал неохотно, но оживился, когда мы заговорили о записях, концертах и будущих проектах. Борис — чуть ли не единственный из всей нашей старой компании, кого совершенно не интересуют разговоры о прошлом и воспоминания. Он все время движется вперед, как поезд, устремленный к высвеченному светом и золотом горизонту. «Жаль, что Мэдисон не сможет с тобой познакомиться», — сказала я, когда на десерт мы вернулись в номер, и он открыл мини-бар, чтобы смешать себе джин и тоник. «Так приходите утром, — мгновенно предложил он. — Мы живем прямо на Невском». На следующее утро мы с Мэдисон бодро зашагали к дому Бориса по широкому, наполненному людьми проспекту. Мэдисон шла быстро, чуть ли не бежала, и я поняла, что к Борису ее, как магнит, тянет та же магическая сила, которая всегда тянула и по-прежнему тянет к нему и меня. Когда мы пришли, он только проснулся. Они с Ириной жили в большой квартире, одна комната в которой была превращена в живописную мастерскую, а все стены квартиры были увешаны прекрасными пейзажами Бориса.

«По сравнению с коммуналкой на Софьи Перовской это большой прогресс», — с иронией произнесла я. Мы сели пить чай. Мы с Мэдисон взгромоздились на диван, прямо рядом с рабочим столом Бориса. Мэдисон почему-то стала говорить о том, насколько злыми и злопамятными могут быть люди в крысиной гонке своих эго. «Мэдисон, твоя жизнь — спектакль, и ты в нем — режиссер». Борис наклонился к ней и посмотрел ей прямо в глаза. «Если кто-то в этом спектакле тебе не нравится, просто вышвырни его. Пусть идет на фиг». На моих глазах они завели философский разговор. Я вдруг на месте Мэдисон увидела себя тридцатью пятью годами раньше, так же, как и она теперь, впитывающую мудрые слова Бориса. Перед нашим уходом Борис покопался в стоящей на полке кружке, выудил оттуда кольцо с черепом и протянул его Мэдисон. Она надела его на палец, черепом вниз. «Нет, Мэдисон, лицо должно быть обращено вверх, — поправил ее Борис. — Всегда носи его лицом вверх, к миру».

Всю дорогу обратно в отель Мэдисон шла молча, как замороженная. Уже в вестибюле она вдруг произнесла: «Дай мне почитать главы, которые написал тебе тот парень». «Конечно, — сказала я, — Книга у меня наверху в номере». В небольшом фойе на моем этаже меня поджидали Африка и Большой Миша. «А вы когда пришли?» — спросила их я. «За пару минут до меня», — ответил сидевший тут же, чуть поодаль, Сева. В номере мы все сели в кружок. Африка, как всегда, трещал без умолку. С 1984 года он, казалось, совершенно не изменился — такой же тощий 18-летний мальчишка с хитрыми глазами и бесконечным потоком безумных идей и неверо-

ятных историй. Большой Миша тоже не изменился — монументальная статуя греческого бога, тщательно взвешивающая свои слова и не тратающая их понапрасну. «Костя Кинчев за границей», — начал Сева, сверяясь со списком друзей, которых, по нашему с ним мнению, мне следовало бы повидать. «А позвонить ему можно?» — нетерпеливо перебила я. С Костей никакой связи у меня не было, наверное, с 1993 года. Я знала, что в России он по-прежнему крупная звезда, и легионы его фанов, называющие себя «Армия “Алисы”», рассеяны по всей стране. Но я также знала, что годом раньше он перенес инфаркт, и не хотела упускать возможность восстановить связь с этой безумной пантерой. Я хотела по крайней мере услышать его голос. «Привет, Джо», — зазвучал он из телефона Севы. «Привет, Костя! Как дела?» Я была поражена, насколько легко мне давалось общение с ним по-русски, ни одна малейшая деталь в разговоре не ускользала. «Я хочу, чтобы ты знал, насколько важен ты был в моей жизни, и ты всегда будешь для меня близким человеком». «И ты для меня тоже», — с теплом в голосе ответил он. «Пусть все будет у тебя хорошо. Я люблю тебя», — сказала я в заключение. «И я тебя тоже», — ответил он, и связь разъединилась.

Настало время прощаться. Нам с Мэдисон нужно было собираться, чтобы ехать на вокзал к отходящему в Хельсинки поезду. Мы крепко обнялись с Африкой, Севой и Мишей, и я закрыла за ними дверь. В это же мгновение в дверь постучали. «Кто-то что-то забыл», — сказала я со смехом. Но, открыв дверь, я увидела стоящего на пороге Юрия. «Я вас провожу», — чинно произнес он. Он стоял в дверях, пока мы с Мэдисон носились по номеру, пытаюсь запихать в сумки все наши вещи. «Где моя зарядка для телефона?» — кричит Мэдисон из ванной. «А ты мой бумажник не видела?» — так же нервно ору я в ответ. «Черт! Я забыла запихнуть эту толстую куртку в чемодан!» — «Не забудь, туда нужно запихнуть еще и мою куртку!» — кричит мне Мэдисон. «Ни фиги! Я даже компьютер не могу туда запихнуть!» «Что значит ни фиги?! У меня она тоже не влезает!» «Девочки!» — громкий уверенный голос Юрия заглушил нас обеих. Он ступил вглубь комнаты и показал на кровать. «Садитесь!» Мы обе немедленно послушно сели. «Глубоко вдохните. И минуту помолчите», — инструктировал он нас. Мы с Мэдисон, как было велено, глубоко вдохнули. «Окей, — кивнул Юрий. — Теперь берите свои вещи и спускаемся вниз». Я мгновенно вспомнила того Юрия, в которого я влюбилась — спокойного и собранного, всегда способного привести меня в чувство. Мэдисон была абсолютно очарована его милым характером. Отъезжая от отеля, мы посмотрели в заднее стекло и увидели, как он медленно идет по улице. Он то и дело останавливался и оглядывался, так же, как он всегда делал до того, как мне отказали в визе. «Как это грустно, и как прекрасно», — чуть ли не со слезами на глазах воскликнула Мэдисон, в последний раз прощально помахав ему рукой.

Я стараюсь жить, не сожалеея о сделанном или не сделанном. Но мало о чем я так жалею, как о том, что не постаралась в тот раз в Петербурге повидать по-

больше старых друзей. Спустя буквально несколько месяцев из жизни ушли Андрей Крисанов и Коля Васин — первый из-за болезни, второй, как говорили, покончил с собой. Я никогда не забуду молодой, полный жизни и энергии дух Андрея и извечную мантру Коли All You Need Is Love. Он навсегда останется для меня Моржом.

Эта поездка внезапно изменила все. Я еще больше укрепилась в мысли воздать должное друзьям, написав о них книгу. Была, впрочем, проблема. «Эти первые три главы, которые написал тебе тот парень, никуда не годятся, — категорически и безапелляционно, прочитав их, заявила мне Мэдисон. — Я могу сделать намного лучше». — «Так давай!» — с радостью говорю я ей. Через пару дней я с восторгом читала результат ее работы. Моя история полностью преобразилась: из сухого, плоского, бесцветного болота она превратилась в яркий, красочный, захватывающий пейзаж. Ей удалось вернуть мою историю и ее героев к жизни. Я тут же рассталась с прежним литератором и мгновенно наняла на его место Мэдисон. Затем последовал контракт с крупнейшим российским издательством — АСТ.

Мы решили разбить книгу на две части: первая освещала начало моего пребывания в России, ленинградский период, переход от коммунизма к гласности и перестройке, и вторая — моя карьера в Москве уже с наступлением капитализма. Я записывала свои воспоминания и пересылала их Мэдисон, которая разбивала их на главы и превращала в полный поэзии и драматической пульсации текст. Она часами рассматривала фотографии, всматривалась в мои старые видео, улавливая тончайшие оттенки речи и поведения людей. Мои друзья стали для нее так же важны, как и для меня, и она начала разделять мою одержимость увековечить их наследие в книге. Из всех людей, которых она изучала, наибольшее впечатление на нее произвели Цой и Курёхин. «Как жаль, что мне никогда не доведется с ними познакомиться, — со слезами на глазах как-то сказала она мне. — Это несправедливо». На следующее утро она спустилась вниз на завтрак позже обычного. «Что с тобой?» — спросила я. «Мне приснился Виктор, — торжественно объявила она. — И я написала о нем песню». — «Песню? Как она называется?» — «Муза». Слушая, со слезами на глазах, как она напевает новую песню, подыгрывая себе на фортепиано, я сразу поняла, что Виктор пришел к ней во сне — так же, как он приходил и ко мне в первые месяцы после гибели.

В марте и сентябре 2019 года две мои книги — «Стингрей в Стране Чудес» и «Стингрей в Зазеркалье» — были изданы в России. Мой добрый старый друг Алекс Кан перевел обе книги и вместе со мной принял участие в их презентациях в Москве, Петербурге и Екатеринбурге. Книги пользовались огромным успехом. Поначалу я думала о них как о моем даре русским людям. Затем я считала, что пишу их для себя, но оказалось, что сделала я их для своих друзей. Во время тура с презентациями

меня вдруг настигло озарение, мысль, которую раньше я себе никогда не позволяла. Я поняла, что сделала нечто по-настоящему важное. Я была обычным человеком, которому благодаря судьбе, соединившей меня с самыми волшебными людьми на планете, удалось совершить что-то действительно экстраординарное.

Годы в России научили меня, что все в нашей вселенной должно быть сбалансировано. После презентации первой книги я вылетала из России в состоянии невероятного эмоционального подъема, но по приземлении в аэропорту Лос-Анджелеса меня ждала весть о смерти матери. Это было совершенно неожиданно и повергло меня в состояние шока и неутешного горя. Во время второго тура с презентациями пришла новость о том, что Саша, мой второй муж и отец моей дочери, покончил с собой в Лос-Анджелесе. Непрерывные отчаянные рыдания Мэдисон в телефонную трубку — самые страшные и самые болезненные звуки, которые мне доводилось слышать в жизни. Бывают моменты, когда кажется, что жизнь твоя происходит с кем-то другим, что я всего лишь наблюдатель, живший в Санкт-Петербурге в какой-то прежней жизни. Но ощущения грусти, надежды, красоты, трагедии и мудрости слишком сильны, чтобы их можно было игнорировать. Все это вошло в мою плоть и кровь еще тогда и остается в ней и по сей день. Смысл жизни каждого из нас — понять, что ты представляешь собой как человек, и почему ты делаешь то, что делаешь. Утрата и потеря — понятия ложные. Все, что происходит с нами в жизни, формирует и создает нас, и мы несем это с собой каждый день. Я смотрю на свою дочь, когда она подписывает книги на очередной презентации, и вижу в ее лице все, что, как мне казалось, я потеряла. Обычный человек — как я, например, — может вдруг стать частью совершенно необыкновенных, величественных и захватывающих приключений, и никто и ничто этот опыт у него не отнимет. Мои друзья, моя музыка, мой дом — даже смерть не лишит эти вещи значимости. «Хотела бы я побывать в Стране Чудес», — сказала мне как-то Мэдисон. «Ты в ней была, — ответила я. — Ты вступила ногой в эту воду, и ты окунула перо в чернильницу, и ты никогда уже теперь не будешь прежней».

Джоанна Стингрей
2023 г.

СТИНГР

В Стране Чудес

Stingray

in Wonderland